

ЗАКОН ПЕРВОГО УДАЧНОГО РЕШЕНИЯ

Аннотация. *Статья показывает и описывает закон первого удачного решения. Предполагается, что все культуры в процессе своего развития разрабатывают такие практики и паттерны, которые могут быть объяснены только с его помощью. Суть закона состоит в том, что общество закрепляет не самый эффективный способ действия, но тот, который пришёл первым. Если он оказывается в достаточной мере удачным, его больше не меняют, создавая тем самым набор или систему из более или менее работающих законов социального взаимодействия.*

Ключевые слова: философия, культура, закон, удача, эффективность, ограничение, внутренняя логика, общество, человек, история.

Нередко, изучая ту или иную культуру, исследователь сталкивается с, казалось бы, странными или, по крайней мере, на первый взгляд, необъяснимыми явлениями — разумеется, с его точки зрения. Бывает трудно поверить в то, что разумные или кажущиеся таковыми люди способны поддерживать такие практики и паттерны поведения, которые со всей очевидностью — опять же со стороны постороннего наблюдателя — не представляют собой не только чего-то положительно-го или даже нейтрального, но, напротив, носят явно негативный, а зачастую и деструктивный характер. Понять некоторые обряды или же способы взаимодействия между индивидами, а также между ними и окружающей их средой не так просто, особенно если они противоречат здравой логике. Однако при внимательном изучении выясняется, что все эти особенности не имеют ярко выраженных этических качеств, но демонстрируют явно адаптивный модус функционирования конкретной группы лиц.

В случае с оценкой поведения, мышления и чувствования всегда происходит одно и то же. Мы настолько склонны приписывать собственные воззрения другим людям, что нередко упускаем из виду главное, тешась мыслью, что сами мы поступаем, думаем и переживаем некоторым правильным образом, тогда как другие — очевидно неверным. Это, конечно, далеко не так.

Нужно сразу отметить, что все оценки условны, что они являются порождениями той культуры, носитель которой их и озвучивает, что их демонстрация — это не добродетель, а успешно

пройденная социализация. Поэтому нет никакой нужды говорить о том, что кто-то поступает хорошо, а кто-то — соответственно плохо.

Несмотря на то, что данный вывод, на первый взгляд, в некоторой степени подрывает само название этой статьи, он, напротив, её укрепляет. Ниже станет понятно, почему одни решения рассматриваются как положительные, тогда как другие — как отрицательные. Кроме того, будет показано, что существуют и совершенно объективные причины приписывать некоторым ответам позитивные, негативные или же нейтральные свойства.

Однако прежде чем приступить к закону, озаглавивающему данный текст, нам необходимо сделать одно крайне важное замечание. Мы рассматриваем культуру как такой набор или структуру принятых правил поведения, которые позволяют разделяющим их людям сохранить общий для них способ выживания. По сути, можно говорить о том, что она является совокупностью методов обращения с окружающей средой с целью удержания коллектива в рамках этого окружения. Коротко выражаясь, культура — это набор способов выживания.

Ключевыми словами в вышеприведённом определении культуры являются «общий для них». Смысл заключается в том, что не всякий способ выживания представляет собой общее для всех достояние, но, напротив, может и не разделяться всеми членами данного коллектива. Предполагается, что эти методы, по сути, играют роль связующего звена между всеми участниками данной конкретной группы.

В этой связи нужно обратить внимание на такое системное свойство культуры как её внутренняя логика. Проблема состоит в следующем. Очень часто мы наблюдаем такие явления, которые почти не поддаются какому-либо разумному — в уже озвученном смысле — объяснению и для которых единственным оправданием служит ссылка на то, что так принято. В действительности было бы более рационально вести речь не о замкнутом круге, в который мы неизбежно попадаем, используя аргументы традиции, но о приспособительном характере той или иной черты культуры, пусть и выглядящим как явный атавизм или, хуже того, растрату, как правило, редких ресурсов на несуразные, казалось бы, вещи. Последнее её свойство, следуя параметру внутренней логики, есть лишь преобразованная многими сменяющимися друг друга поколениями деятельность, закреплённая как на уровне индивидуального, так и коллективного сознания. Мы ещё вернёмся к данному вопросу, а теперь приступим к закону, вынесенному нами в заголовок.

Нередко бывает так, что мы смотрим на некую культуру и видим совершенно ужасающие практики. Например, кастрацию в совершенно антисанитарных условиях или всем известное поедание рыбы фугу, при неправильном приготовлении которой человек может скончаться. Разумеется, ужас состоит не в том, что люди калечатся или наносят увечья друг другу, но в том, что ведут себя так, будто игнорируют более действенные методы достижения цели или, по крайней мере, более безопасные. Проиллюстрируем это одной иллюстрацией, пока не связанной с культурой, но демонстрирующей основные характеристики нашего закона, а затем перейдём непосредственно к самому набору способов выживания.

Скажем, перед вами стоит задача смастерить табурет за некоторый, не очень продолжительный промежуток времени. У вас нет всех необходимых вам инструментов и материалов, а задание усугубляется тем, что вы точно не знаете, что именно вам пригодится. Единственная зацепка для вас — это указание на конечные свойства данного предмета, но и они — если мы хотим, чтобы наш пример был более адекватен культуре — вам известны не точно, а весьма приблизительно. Как в такой ситуации поступит обычный человек и что из всего этого выйдет? В инженерной мысли существует понятие «клуба». Это такое приспособление, которое хотя и работает и выполняет

возложенные на него функции, но сделано наспех из подручного сырья¹. Итогом вашей работы станет что-то вроде клубка. Т.е. на изготовленном вами табурете можно будет сидеть, но по очень многим своим параметрам и качествам он окажется вовсе не тем, что под ним подразумевается.

Заметим, между прочим, что никто никогда и нигде — в случае с культурой — не предоставляет никаких чертежей. Всё делается, скорее, интуитивно, что называется, на глаз. И потому результат почти неизбежно оказывается не только неполным, но и зачастую неудовлетворительным, однако ни времени, ни сил, ни ресурсов на дальнейшее экспериментирование попросту нет.

Конечно, нельзя исключать того, что у вас может выйти и идеальный табурет, однако по большому счёту, это вряд ли осуществимо. В данном конкретном случае вам необходимо осуществить столько операций, что ошибка почти неизбежна. На самом деле количество дефектов будет значительно превышать единицу. Впрочем, всё же существует очень небольшая вероятность того, что вы всё сделаете правильно.

В отношении культуры почти всякий её акт — это своеобразный клубок. Если какому-либо сообществу нужно отреагировать на некоторое событие, то всё, что оно может противопоставить задаче — это имеющиеся техники и материалы, а также осознание конечной цели. В данной связи можно привести пример с древнеегипетскими пирамидами.

Общеизвестно, что они выполнены на весьма высоком уровне мастерства, который до сих пор поражает многих наших современников, не говоря уже о людях прошлых столетий. Отсюда возникла и продолжает пополняться многочисленная литература, посвящённая тому, как пирамиды строились и кто за этим всем стоял. Оставляя в стороне различного рода домыслы и теории, важно отметить следующее.

В силу некоторых причин — интересных самих по себе, но избыточных в рамках данного текста — египтянам потребовались такого рода сооружения. Обладая рядом строительных, управленческих и иных техник, а также имея в виду то, что они хотят получить от вложенных усилий, они возвели то, что до сих пор считается одним из чудес света. Но являются ли пирамиды

¹ Маркус Г. Несовершенный человек. Случайность эволюции мозга и её последствия. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 12.

идеальными, правильными или обладающими какими-либо ещё превосходными степенями зданиями? Вряд ли. Сегодняшние инженеры сделали бы всё иначе, и в нашей системе координат плод их стараний выглядел бы явно преимущественнее на фоне столь незамысловатых скоплений огромных каменных блоков. Впрочем, мы немного отвлеклись.

Ставя перед собой задачу справиться с некоторой проблемой, люди обязательно как-то на неё ответят. Это не означает того, что они непременно найдут плохое решение. Напротив, изготовленный ключ будет открывать то, что, собственно, и предполагалось, но при этом останется вероятность того, что отмычку можно было подобрать и получше. Однако имеем ли мы право переносить сугубо гипотетический пример в область культуры?

Прежде всего, мы должны выделить основные принципы, присутствующие в нашей иллюстрации. Во-первых, итогом вашей работы должен стать некий предмет с заданными свойствами. По понятным причинам у вас вообще может ничего не выйти или получиться нечто, что не отвечает заявленным требованиям. Если, скажем, вы создадите стол, то это будет лишь полбеда, гораздо хуже, если вы изготовите что-то такое, на чём сидеть станет попросту невозможно. Кстати, остаётся также вариант с полным провалом. В последнем случае вы даже не приступите к решению проблемы или же испортите материалы и инструменты до такой степени, что использовать их в дальнейшем станет проблематично. Таким образом, первым отличительным принципом таких задач является необходимость соответствия решения каким-то параметрам.

Во-вторых, сами эти требования к конечному результату явно никогда не даны. Конечно, если общество сталкивается с уже знакомой проблемой, то задача оказывается проще, но и в таком случае всякая ситуация представляет собой нечто новое, требующее соответствующего к себе отношения, а именно его-то и нет. Как бы то ни было, но должно быть понятно, что будущее решение не маячит готовым уравнением, к которому просто нужно прийти, но представляет собой нечто неявное, хотя и желательное. Это очень напоминает положение человека, попавшего в продуктовый магазин, который чего-то хочет, но что именно — в точности не знает, отчего и мечется между полками.

В-третьих, в нашей задаче мы ограничены по имеющимся альтернативам. Мы ясно указали на то, что у вас может не оказаться нужных инструментов или материалов, а к тому же вы, скорее всего, не представляете, что именно — пусть и в идеальных условиях — вам пригодится. Ведь если вы до сих пор не были на рыбалке, откуда вам знать, что вам понадобится удочка? Это напоминает историю из сказки, когда надо пойти туда, не знаю, куда, и найти то, не знаю, что. Всё, что у вас есть — ноги и сознание поставленной перед вами задачи, но этого явно недостаточно для решения такой проблемы, хотя, надо отметить, фольклор демонстрирует счастливый конец.

В-четвёртых, мы ограничены по времени. Если бы у нас было достаточно часов или даже суток на обдумывание задачи в полном её объёме, а также на рассмотрение всех возможных и доступных нам альтернатив, вполне вероятно мы бы сделали табурет в лучшем виде, но мы лишены этой возможности. У нас просто не хватит отведённого нам интервала на то, чтобы искать самое подходящее решение для всякого нового действия — то, которое работает, и будет принято на вооружение. Разумеется, никто не станет спорить с тем, что подобная ограниченность всегда имеет место быть. Но в таком случае начинают работать другие принципы, препятствующие нам в том, чтобы справиться с поставленной перед нами проблемой.

И, в-пятых, мы не всегда, вообще говоря, осведомлены о том, что мы имеем и что мы умеем. Нередко из виду упускается тот факт, что наше знание о самих себе, а равно и культуры, в рамках которой мы пребываем, носит крайне усечённый вид. Например, русскоговорящий человек может и не подозревать о том, что доступны какие-то другие слова вместо тех, что он уже использует. Кроме того способы выживания не всегда заточены под конкретные проблемы, но направлены, скорее, на их группы и категории, а это фактически означает, что готовое решение, вполне вероятно, уже присутствует, но не рассматривается именно как лекарство от болезни.

Разумеется, может показаться, что столь искусственно созданная ситуация не соответствует тому, что случается с культурой в процессе её функционирования. Однако присмотримся к озвученным принципам внимательнее. Первый. Как мы указали выше, целью всякого сообщества является, по сути, выживание в некоторых заданных условиях. В таком случае мы имеем

задачу и требования. Но что имеется в виду, когда говорят о самосохранении?

Вопрос выживания крайне сложен. Например, в результате выхода из строя какого-нибудь промышленного станка человеку угрожает смертельная опасность. Выйти из этой ситуации можно самыми разными способами — от полного калеки до такой же абсолютной нетронутости. Естественно, более предпочтительным является второй вариант, но на что мы готовы пойти ради самосохранения? В случае с конкретным индивидом всё зависит от того, как он смотрит и как он привык глядеть на все потенциальные альтернативы. Одному покажется недопустимым потеря даже пальца на любой из конечностей, тогда как другой сочтёт счастьем выбраться сразу без рук и без ног. В действительности не существует точных и чётких критериев целостности. Удача для одного будет означать неудачу для другого. Но что в таком случае можно сказать о культуре?

Она, как уже было сказано, есть набор способов выживания. Но какое именно самосохранение имеется в виду или, выражаясь в терминах нашей ситуации, какие требования заявляются, как необходимые? Это вопрос ещё более запутан. В реальности, по-видимому, на него нет разделяемого всеми ответа, кроме того, что какие-то параметры всё же рассматриваются как критические. Впрочем, здесь нам поможет обычная арифметика. Один человек — это не общество. То же самое касается и двух, и трёх, и далее. Но где находится тот предел, до которого группы ещё нет, а за которым она уже избыточна велика — по крайней мере, в том, что превышает вводные пожелания?

Язык выступает неотъемлемой частью любой культуры. Для общения нужны, как минимум, двое, но на самом деле для его сохранения требуется значительно большее число. Очевидно, что где-то проложена граница, по которой можно легко обнаружить живые и мёртвые языки, ориентируясь на количество их носителей, или, что будет точнее, используемые и нет. В рамках данной статьи и в силу прагматических соображений, мы не можем предложить конкретную цифру, но позволим себе немного поспекулировать.

В русском языке насчитывается порядка двухсот тысяч слов, а в английском, как бы это ни было обидно носителям первого — около миллиона. Разумеется, сами цифры весьма относительны — всё зависит от системы подсчёта,

от возможности включения заимствований, от рассмотрения производных в качестве самостоятельных единиц и от многого другого, но всё это можно оставить в стороне.

Важно то, что носителей первого насчитывается около двухсот миллионов человек, тогда как второго — порядка миллиарда. Понятно, что и здесь суммы неточны, а приблизительны. В итоге получается следующая арифметика. Для поддержания существования отдельного слова его должна знать тысяча людей.

Помимо прочего, количество слов, по всей вероятности, должно значительно превышать лексикон Эллочки Людоедки. В противном случае мы столкнёмся с тем, что не все мысли, чувства и поступки мы сможем в достаточной степени ясно выразить. Фактически это означает, что та самая тысяча лексических единиц — это ядро, сохранение которого необходимо, тогда как любые дополнительные элементы легко становятся жертвой перемен.

Кроме того, люди склонны рассматривать собственный образ жизни не как одностороннюю сущность, но как содержащую более значительное число граней. Если, скажем, лишит кого-нибудь прерогативы первым отрезать себе кусок от торта, то, вполне возможно, он посчитает, что его жестоко обделяют, а своё существование станет рассматривать в качестве неполного. И тут снова можно указать на некоторый лимит, разделяющий бытие и небытие по наличию ряда критических признаков. Т.е. в случае присутствия в результате необходимых черт, он считается сносным, при обратном положении дел — нет.

Всё это опять возвращает нас к описанной ситуации с табуретом. В конце концов, не так важно, как тот выглядит, имеет ли он определённое количество ножек, сработан плохо или хорошо — в рамках определённой системы оценок. Существенно лишь то, какие задачи ставились до его изготовления и соответствие им нашего продукта. Всё остальное можно оставить за скобками. В случае с культурой действует тот же принцип. Те или иные события ставят её перед некоторой проблемой, решение которой задано определёнными параметрами. Разумеется, в наиболее обобщённом виде — необходимостью выживания в уже озвученном нами смысле, т.е., по большей части, основного ядра.

Второй. Требования будущего всегда смутны и неопределённые. Люди, как правило, полагаются на те категории и критерии, которые даны

им сейчас, но подобный подход, вообще говоря, плохо работает. Дж. Ролз в своей книге «Теория справедливости»¹ отмечает тот примечательный факт, что грядущее никому не известно заранее.

Это означает, что никто не знает, что в будущем станет его преимуществом, а что — недостатком. Обращая данное обстоятельство к нашей конкретной проблеме, нужно отметить следующее. Никто не способен предугадать, куда нас приведут те действия, которые мы совершаем в настоящем. Это знакомо всем, кто хоть когда-нибудь выполнял одни и те же операции на протяжении довольно продолжительного времени. Сначала он часто ошибается, но затем находит ряд паттернов, которые приводят к наиболее удачному в его глазах результату.

В случае с обществом ничего подобного просту нет. Мы, как совокупности людей, желающих выжить наиболее благоприятным, но не известным для себя образом, вынуждены вести себя как сапёры, которые, как гласит народная мудрость, ошибаются лишь однажды. Выражаясь кратко, мы и сами не знаем, куда хотим прийти.

Конечно, данный факт не исключает счастливых находок или обычного везения, но и они будут рассмотрены ретроспективно, т. е. как получившие одобрение от того, кто другого себе представить и не в состоянии.

Очень часто говорится о том, как будут жить наши потомки. По сути, это и есть та проблема, с которой сталкивается всякая культура, желающая самосохраниться. В действительности на детей мало кто обращает внимание. Важно не их благополучие, но трансляция уже усвоенных навыков и умений в грядущее, по возможности без их искажения. Указанное выше ядро — это наибольшая ценность, которая потому и выглядит и воспринимается нередко как дикая вследствие её несоответствия реальной ситуации.

Обобщая, можно сказать следующее. Культура обычно не заинтересована в том, чтобы решать проблемы. Она, разумеется, если она уже успела выработать ряд техник и практик, настроена на то, чтобы их и сохранить. Многочисленные исчезнувшие цивилизации лишней раз подтверждают это. Потому что нередко нужны изменения, а не косность, которая становится ценностью сама по себе².

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

² Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

Третий. Как и любой человек, общество существует в рамках определённого окна возможностей. Это означает, что всякий раз у нас есть лишь ограниченное количество альтернатив, которые мы способны воплотить в жизнь. В случае с табуретом — это наличие некоторых инструментов и материалов, однако то же самое справедливо и по отношению к культуре. Отчасти это напоминает эволюционные изменения в организме того или иного вида. Скажем, человеческие руки устроены так потому, что нашими предками являлись рыбы, и у природы был довольно небольшой выбор, из каких, собственно, средств их произвести такими, какими они и стали.

В ситуации, когда необходимо действовать, мы всегда и всюду исходим из того, что у нас есть. Если, например, у охотника нет ружья — он будет пользоваться ножом, но не потому, что последний более эффективен, особенно по сравнению с первым, а потому, что он просто имеется. Несмотря на то, что подобное заявление и кажется банальным, из него следуют очень важные выводы. Часто предоставляется шанс услышать о том, что необходимо сделать тому или иному обществу для преодоления тех трудностей, с которыми оно сталкивается. И, как правило, люди забывают о том, что потенциально сделать можно далеко не всё. Скажем, никто всерьёз не станет рассматривать перелёт из одного места в другое как средство передвижения всего лишь потому, что летать человек не в состоянии. Точно также нельзя проснуться однажды и увидеть, как словно по волшебству появились новые дороги, мосты, предприятия, культурные учреждения.

Подобные ограничения нередко вообще игнорируются. Молчаливо предполагается, что мы действуем в рамках того, к чему у нас имеется доступ и чем мы вправе распоряжаться. Культуры в этом смысле также находятся в узком коридоре, блокирующем любую возможность выйти за его пределы. Так происходит, конечно, не потому, что кто-то или что-то нарочно придумывает и, соответственно, вводит лимиты, но в силу совершенно естественных причин. Поэтому результат всякой деятельности почти неизбежно оказывается не самым оптимальным или разумным, или каким-либо ещё. Напротив, он всегда представляет собой довольно тривиальное или, лучше сказать, реализуемое в данной ситуации решение. Впрочем, нельзя упускать из виду тот факт, что люди находчивы и сообразительны, а потому даже в жёстких границах действительности спо-

собны находить очень интересные, но, главное, эффективные альтернативы — опять же следуя некоторым критериям оценки.

Как бы то ни было, но из выше сказанного должно стать понятно, что общество выживает не потому, что имеет неограниченный арсенал подручных средств для подобного мероприятия, но потому, что вечно вынуждено приспособлять наличное к требованиям желаемого. Как и в случае с табуретом культура лишена возможности обратиться за помощью извне, но пользуется тем, что ей дано.

Однако здесь всё же присутствует и элемент субъективности. Каждый человек в любой промежуток времени обладает огромным количеством доступных вариантов поведения. Мы всегда можем проглотить язык, покалечить себя, встать, скажем, на стол, за которым обычно едим, и многое другое. Но подавляющая часть альтернатив нами просто не рассматривается. Отчасти в этом повинна внутренняя логика. Предшествовавшие нынешнему состоянию подводят нас к одному, но не к другому. Потому что глупо, распевая до сих пор песню, бросить её на полуслове и полузвук с тем, чтобы начать декламировать монолог из пьесы Сенеки. С одной стороны, требования, предъявляемые будущим, ограничивают наш горизонт, и ровно то же самое происходит и с культурой. С другой стороны, имеется история, заставляющая слушать её.

Однако есть ещё и третий фактор. Мы не рассматриваем нечто как альтернативы потому, что слепы в их отношении. Чем бы это ни объяснялось — от привычки до научения, важно то, что и целые общества игнорируют такие пути выхода из ситуации, которые могли бы стать дееспособными вариантами, нацеленными на их выживание, но, тем не менее, нередко просто не видят их.

Подобная слепота, по крайней мере, отчасти может быть сведена к желанию сохранить ядро культуры, т.е. саму её идентификацию в качестве себя самой. Многочисленные примеры с людьми, которые лишались привычных для себя собственных качеств — будь то конечности или местожительства — демонстрируют данную особенность обществ. Гораздо проще бывает закрыть глаза и жить по-старому, пусть это и угрожает будущему, но зато сохраняет столь ценную внутреннюю суть.

Четвёртый. Мы всегда заключены в рамки некоторого срока. Это касается и нашей жизни в целом, и отдельных её эпизодов в частности.

Можно долго спорить о том, является ли общество или культура, им создаваемая, живыми организмами, и, соответственно, о том, подчиняются ли они всем законам природы — от момента рождения до смерти. В данном отношении мы лишь умеем руки. Но при этом нужно отметить следующее. Вне зависимости от того, как мы относимся к данным их качествам, обстановка как внутри групп, так и в их окружении постоянно меняется, что неизбежно предъявляет некоторые к ним требования.

Разумеется, скорость реакции сама по себе есть величина дискуссионная, но отсутствие необходимости давать ответ вряд ли кто-то осмелится постулировать. Будь интервал межпоколенческим или обычным астрономическим, измеряемом днями, месяцами, часами, вопрос, всё равно, остаётся. Поэтому всегда существует фактор времени. И по понятным причинам, если культура не уложится в отмеренный ей срок, она будет подвергнута некоторым санкциям, которые в пределе грозят её бытию как таковому. Конечно, не стоит думать о том, что где-то располагается учреждение со специально обученным беспристрастным персоналом, призванное специально надзирать и проверять именно данный параметр выполнения задач, но, не приспособившись, общество продолжает вести себя по-старому в новых обстоятельствах, и уже одно это несёт в себе разрушительный заряд. А вкупе с указанной косностью это ещё сильнее усугубляет его положение.

Нам могут возразить в том смысле, что существуют культуры, с другими никак не связанные, т.е. полностью изолированные от внешних контактов. В действительности это утверждение ничего не даёт. Даже и в таком случае остаётся природное окружение, тоже нередко нестабильное и не склонное застыть в некотором строго заданном, а потому предсказуемом положении, что снова возвращает необходимость реагирования.

И пятый. Как было указано, мы нередко вообще не знаем, каким именно инструментарием решения проблем мы обладаем. Само по себе это не столь уж и страшно, особенно, если эта неосведомлённость таковою и останется. Маршруты, не нанесённые на карту, всё равно, продолжают существовать в некоей призрачной зоне.

Тем не менее, подобное незнание часто оказывается критичным. Из психологии известно, что для людей, воспитываемых в определённых

рамках приписываемым им возможностям, бывает крайне сложно посмотреть на себя адекватно и понять, что до сих пор доступная им информация о себе была, по крайней мере, неточной и неполной, и что они были в состоянии достичь большего по сравнению с актуальным положением дел.

Те же самые соображения легко перенести и на культуру. Проблема любого общества состоит в том, что не все позиции в нём имеют равную степень значимости, а, следовательно, и одинаковую трибуну для озвучивания своего мнения. Маргинальные и асоциальные слои населения нередко обладают тем знанием, которое способно решить поставленную перед всем коллективом проблему, но они игнорируются потому, что так сложилось или так принято.

Кроме того, существуют забытые и утерянные сведения, которые могли бы пригодиться, но которые никто не станет ни восстанавливать, ни искать. Всё это усугубляется тем обстоятельством, что культура, как правило, ригидна как по своему содержанию — а, значит, и способам выживания, так и по своему отношению к своим собственным носителям, воспитывая и пестуя в них эту косность.

Мы нередко удивляемся тому, как люди, очевидно, лишённые некоторых базовых и воспринимающихся как само собой разумеющихся человеческих способностей, тем не менее, свидетельствуют в пользу того, что и совершенно нормальные представители нашего вида используют свои возможности не на полную мощность. А это явно снижает вероятность нахождения нужного и эффективного решения на поставленные вопросы.

Вообще говоря, неизвестное в нас самих — крайне интересная, но очень внушительная по своим масштабам тема, поэтому тут мы ограничимся лишь одним замечанием. Ни мир, в котором мы проживаем, ни мы сами, которые его заселяют, неизвестны нам в степени, достаточной для сохранения культуры, что ведёт либо к её консервации и всем сопутствующим этому процессу явлениям, либо к её трансформации, а, значит, и невыполнению поставленной задачи.

Попытаемся теперь соединить эти принципы и посмотреть, что происходит при их слиянии. Прежде всего, нужно отметить, что они со всей очевидностью дополняют друг друга. Заявленные требования, непонятность и условность их критериев, недостаток ресурсов, отсутствие некото-

рых знаний, и внутренняя логика направляют движение в определённое русло. Это, во-первых. Т.е. закон, указанный в заголовке, почти всегда ориентирован на актуальную ситуацию, из которой возможна лишь часть выходов.

В этой связи можно вспомнить о так называемом антропном принципе, который гласит, в самой своей сильной формулировке, что мир должен был стать таким, каков он есть¹. Но его можно и немного ослабить для того, чтобы он стал приемлем. В таком случае он будет говорить о том, что наша окружающая среда неизменяема в прошлом, но есть его результат в настоящем.

Неважно, к какому бы историческому периоду мы ни обратились, он, всё равно, работает. Если мы вернёмся к тем временам, когда культуры впервые давали ответы на поставленные перед ними вопросы, то мы обнаружим, что и тогда общества пребывали в рамках заданного контекста условий, которые они при любой степени интенсивности и силы своего желания не могли изменить.

По сути, они, да и мы пребывали в жёстких условиях реальности, которая диктовала им одни пути, но не другие. Этим отчасти и объясняется тот факт, что первое же решение считалось удачным не потому, разумеется, что оно таковым и было, а потому, что вернуться назад с уже имеющимся опытом было нельзя, но, наоборот, впереди маячили новые вызовы, и нужно было сосредотачиваться — ровно таким же образом, как и в прошлом — уже на них.

Конечно, некоторые альтернативы у наших предшественников всё же были, но их масштаб и их вариативность явно оставляли желать лучшего. Кроме того, они также задавались наличной обстановкой и указанными факторами.

Во-вторых, они, как это следует из предыдущего пункта, данные принципы являются принуждающими. В реальном историческом процессе они заставляют следовать в некотором направлении. Обе этих черты ясно указывают на то, что они применимы к культуре, ровно также как и к придуманной нами ситуации с табуретом.

Однако почему действует вынесенный нами в заголовок закон? Во-первых, в силу ограниченности всякое общество имеет очень небольшое количество попыток для решения поставленных перед ним задач. Нет нужды

¹ URL: <http://iph.ras.ru/elib/0206.html> (Дата обращения: 20.02.2013 г.).

говорить о том, что оно не наделяется прерогативой пересматривать удачные варианты, в противном случае оно просто канет в Лету. Если что-то получается, то это, как правило, остаётся, без дополнительных поисков и прочих затрат, хотя бы потому, что это слишком дорого, а зачастую и неэффективно.

Во-вторых, и тут снова начинает действовать внутренняя логика и уже сложившееся основное ядро, со временем верные решения искажаются. По понятным причинам обстоятельства не застывают на месте, но продолжают меняться, что делает прошлые правильные ходы нерелевантными актуальным вызовам. В этом смысле и находят себе объяснение те самые практики и паттерны, о которых мы говорили в самом начале. Просто то, что работало прежде, не обязательно соответствует реальности сейчас. Кроме того, хорошие подходы со временем нередко становятся традициями и обычаями, переносимыми новыми носителями, которые вносят в них собственные корректировки и поправки, часто извращающие их до неузнаваемости. Или напротив — следуют им настолько буквально, что те превращаются в очевидное ярмо и глупость. Этот вполне рутинный процесс перетасовывает отношение к действительности и часто преобразуется в бремя и обузу для современных поколений и для их успешности в настоящем.

В-третьих. Он работает не только в отношении непосредственно культуры, но и во многих других областях жизни. Скажем, человеческий организм тоже есть продукт компромиссов¹ просто потому, что у природы есть лишь то, что предшествовало необходимости менять вид и приспособлять его к меняющимся условиям. Даже и не разделяя концепции эволюции, можно согласиться с тем, что мы нередко довольствуемся пусть и отрицательным, но всё же работающим решением. Как говорится плохой мир лучше доброй ссоры. Помимо прочего мы всегда стеснены обстоятельствами и вынуждены мириться с тем, что имеется. В конечном счёте, куда важнее вообще сформулировать хоть какой-нибудь ответ, чем до последнего момента, а, значит, до гибели, отмалчиваться.

В-четвёртых. Этот закон абсолютен, и не исключительно в первом раунде, т.е. в самом начале существования той или иной культуры. Должно

быть понятно, что не все ситуации, требующие решения, непременно ограничивают общество. Можно легко вообразить себе, что у него найдётся и время, и инструменты, и критерии оценки, и понимание проблемы для того, чтобы с ней справиться не просто первым удачным ходом, но постараться найти что-то получше — опять же в рамках определённой системы координат. Впрочем, это не меняет общей картины. Если даже работоспособный вариант отбрасывается, нет никаких гарантий, что все последующие станут более действенными. В конце концов, история не в состоянии обеспечить такое огромное количество ресурсов, чтобы позволить перебрать все альтернативы. Второй удачный ход не обязательно идеален. По сути это означает, что мы всегда и всюду вынуждены довольствоваться тем, что имеем, и до тех пор, пока мы как-то, пусть и плохо, справляемся, закон продолжает быть абсолютным.

И последнее, что нам необходимо добавить. Само по себе слово «удача» вроде бы не нуждается в каких бы то ни было объяснениях, так это выглядит лишь на поверхностном уровне. В действительности трудно, если вообще возможно дать ей какое-либо точное определение. Увы, но люди лишены права проживать сразу несколько жизней с тем, чтобы проверить, какая из них лучше. И даже в таком случае потребовалось бы колоссальное количество альтернатив для нахождения самой привлекательной. Культура в данном отношении подобна человеку.

Кроме того, она похожа на индивида и в другом. Глядя на чужие нам сообщества, мы нередко просто не понимаем их. Отсюда недалеко до вывода, что те живут не так, как надо. В действительности, этого «так» попросту не существует, а равно никогда и не было. То, что представляется удачным одним, будет восприниматься другими как совершенная противоположность. Необходимо принимать в расчёт обстоятельства и предшествовавшее развитие с тем, чтобы не делать скоропалительных выводов. Удачное — это то, что так мыслится, но не то, что таковым является.

И, тем не менее, нам нужно сказать несколько слов о самом понятии «удачи». Рассмотрим ради удобства один пример. Скажем, вы стоите на одной стороне дороги и желаете перейти на другую. Абстрагируясь от направленности движения в данной конкретной местности, вы располагаете огромным количеством вариантов для действия.

¹ Харрисон К. Странности нашей эволюции. М.: РИПОЛ классик, 2010.

Предположим сразу, что вы пересекаете проезжую часть впервые, а также наличие светофора, которым вы тоже не умеете пользоваться, точнее, не представляете себе, как именно он работает. Вокруг вас никого нет, а, значит, и не предоставлено модели для подражания. Трафик не очень серьёзный, поэтому вашей скорости вполне хватит для того, чтобы осуществить задуманное.

Допустим, что светофор всё-таки изредка предоставляет вам шанс на безопасное пересечение дороги. Оставляя за скобками, как вы смотрите на автомобили, задача перед вами стоит весьма нетривиальная. И если мы усугубим её вашей спешкой, то становится понятно, что придётся действовать на свой страх и риск. Но какие альтернативы перед вами стоят?

Во-первых, вы не знаете направленности движения, а, значит, вы не осведомлены о том, в какую сторону смотреть сначала, а в какую — потом. Предшествующий опыт, скорее всего, сыграет с вами злую шутку, потому что ничего подобного вы до сих пор не встречали. Можно, конечно, подождать некоторое время, чтобы узнать, останавливаются ли машины или нет — по неизвестной вам причине. Но этот вариант отбрасывается как слишком длительный, если, разумеется, вам не повезёт.

Во-вторых, вы можете выбежать на дорогу и посмотреть, что случится дальше. Если опять же вам улыбнётся удача, то ближайшая к вам полоса окажется свободной, и вы не пострадаете. И тут вступает в силу закон. Следующими вашими действиями с большой долей вероятности окажутся те, что повторяют первое. Т.е. вы будете перескакивать с полосы на полосу, рискуя быть задавленным.

В-третьих, опять же оказавшись на проезжей части, вы можете стать жертвой, будете сбиты близко расположенным или очень быстро движущимся автомобилем. Здесь самое важное заключается в степени ущерба. Если вы оказались задеты не сильно, то закон продолжит действовать, если нет — на этом всё и закончится.

Удачный вариант в описанной ситуации — это более или менее благополучное достижение противоположной стороны улицы. Но заметьте следующее. В зависимости от везения, вы можете оказаться в месте своего назначения либо вообще целым и невредимым, либо получив лишь незначительные, не угрожающие вашему нормальному функционированию увечья.

Но мы несколько упростили картину. На самом деле, вы даже и не знаете, что вам нужно на противоположную сторону. Можно, в конце концов, идти вдоль дороги и ничего не добиться, но и в таком случае закон начинает работать. Можно попытаться пересечь проезжую часть наискосок, а не прямо, что увеличивает шансы быть сбитым, но и здесь закон снова проявляет себя. Можно долго ждать, но так и не получить желаемого, если светофор предоставляет автомобилям значительное время для проезда, а пешеходам, вроде вас — совсем мало, настолько, что нужно бежать изо всех ног, чтобы успеть. А, повторимся, вы не в курсе, что надо пересекать переход строго прямо.

Но так ли всё плохо? И действительно ли закон первого удачного решения столь отвратительно работает? Вернёмся к нашей иллюстрации. Представителем какой бы культуры, незнакомой с автомобильным движением, вы ни оказались, вы, по крайней мере, обладаете другими навыками и умениями, которые позволяют вам пересечь дорогу относительно безболезненно, но не обязательно эффективно в нашем, осведомлённом о данном явлении, понимании.

В конечном счёте, вы способны рассчитать скорости машин, направления их движения, их реакцию на вас, возможно даже, рассмотреть за их рулями таких же, как вы людей. Кроме того, с большой долей вероятности, вы поймёте, что нужно двигаться наперерез, тем самым, просто уменьшая дистанцию, а также то, что быстрота ваших собственных ног — это залог успеха.

В действительности у человека, даже и незнакомого с принципами устройства автомобильного движения, есть некоторые зацепки и намёки на то, как нужно действовать в данной ситуации. Понятно, что идеальный вариант вряд ли состоится, и наш бедолага получит всё-таки незначительные ушибы, а, возможно, и переломы. Но он останется жив, сделает какие-то выводы, что и станет, в конечном счёте, законом первого удачного решения.

Таким образом, удача — это некий приемлемый уровень будущего благополучия с выполненной задачей и наличным её решением. И в силу того, что ни критерии, ни категории оценки никем пока ещё не заданы, подойдёт любой ответ, не фатальный ни для человека, ни для культуры в целом. Именно поэтому данный закон работает.

Список литературы:

1. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
2. Маркус Г. Несовершенный человек: Случайность эволюции мозга и её последствия. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
3. Ролз. Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
4. Харрисон К. Странности нашей эволюции. М.: РИПОЛ классик, 2010.

References (transliteration):

1. Daimond Dzh. Kollaps. Pochemu odni obshchestva vyzhivayut, a drugie umirayut. M.: AST: AST MOSKVA, 2008.
2. Markus G. Nesovershennyi chelovek: Sluchainost» evolyutsii mozga i ee posledstviya. M.: Al'pina non-fikshn, 2011.
3. Rolz. Dzh. Teoriya spravedlivosti. M.: Izd-vo LKI, 2010.
4. Kharrison K. Strannosti nashei evolyutsii. M.: RIPOL klassik, 2010.